

. : АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ ДМИТРИЯ ИГНАТОВА : .

выпуск 7

УМРИ, НО ПОЗАВЧЕРА

* * *

#ретропричинность #временные_петли #учёные
#оружие #ядерная_война
#романтика

// WWW.ДМИТРИЙИГНАТОВ.РФ // Telegram: @ME_WRITER // Fury @WRITER //

УМРИ, НО ПОЗАВЧЕРА

– А, хотите, мы поговорим про ретропричинность? – с нескрываемой увлечённостью в голосе спросил Пётр Петрович, до этого момента живо расхаживающий по веранде в элегантном летнем костюме светло-кофейного цвета в мелкую коричневую полоску. Он с размаху плюхнулся в плетёное кресло-качалку, забросил ногу на ногу и слегка пригладил свою заострённую бородку.

– Я люблю ретро... – чуть растягивая гласные в словах, с отрешённой обречённостью проговорила Олеся, утончённая блондинка в длинном молочно-белом вечернем платье, отпивая шампанское из бокала и одаривая учёного взглядом более усталым, нежели томным. Она обессилено откинулась в своём кресле и закурила тонкую дамскую папиросу.

– Ретро? Это замечательно! – Сажин улыбнулся.

– А знаете, Питэр... – всё так же неторопливо и задумчиво выговаривая каждую букву, произнесла девушка, – ведь мы здесь... словно Адам и Ева...

– Полагаете?

– Да... Определённо... это... наш... Эдемский сад... А как полагаете... вы? – Олеся буквально выдохнула каждое слово вместе с табачным дымом.

– Мне всё-таки нравится думать, что это Олимп.

– О-о... В таком случае, я буду Афродитой, а вы... – она сделала многозначительную паузу, чуть более

длинную, чем обычно, – вы, определённо, Марс... Мой бог войны...

– Арес, – поправил Сажин, – Марс был у римлян, а не у греков.

– О, боже, Питэр... как же... это всё... безумно скучно... – она глубоко затынулась дымом папиросы и закатила глаза, – а знаете что, Питэр... Подарите мне озеро.

– Озеро?

– Да... Озеро...– Олеся мечтательно улыбнулась, – мы будем кататься по нему на лодке... Я возьму зонтик от солнца... И там... Будут лебеди... Вы ведь мой бог... Вы можете подарить мне озеро, Питэр?

– Легко, – решительно отрезал Сажин, – покажите только, где именно.

Олеся открыла глаза и лениво махнула тонкой рукой в сторону поросших лесом сопок.

– Я хочу там... у холмов...

– Как угодно, – слегка усмехнувшись, ответил Пётр Петрович, поднялся со своего места и, подойдя к разложенному на соседнем столике портативному терминалу, ввёл координаты.

Через несколько минут в то место, куда показывала Олеся, буквально с небес один за другим упали три 50-килотонных заряда, взметнув ввысь кубометры грунта. Чуть вытянутое огненное полушарие на мгновение ослепило сонные глаза девушки так, что она даже манерно прикрыла их рукой. По зелёному морю из падающих и патающихся деревьев концентрическим кругом разошлась ударная волна. Клубящееся облако взрыва начало постепенно

вырастать над холмами в виде гигантского причудливого гриба.

Сажин стоял, скрестив руки на груди, и невозмутимо смотрел вдаль, туда, где разворачивалась вся эта величественная картина. Олеся подняла на него свои томные глаза и, всё так же неспешно растягивая гласные в каждом слове, спросила:

– Питэр... а у нас ещё осталась... икра?

* * *

Полковник подошёл к окну и машинально плотнее задёрнул тяжёлую бордовую штору. В кабинете был полумрак. Только лампа в старомодном круглом плафоне зелёного цвета, создавала яркий круг света на столе.

– А что вы сами думаете по этому поводу? – спросил уставший генерал, резко закрывая толстую папку, лежащую перед ним.

– Есть серьёзные основания, что технология будет использоваться в военных целях. По нашим данным DARPA планирует финансирование...

– Серьёзные основания? DARPA планирует... А если это очередная деза?! Если нас опять хотят развести как кроликов на очередной грёбаной СОИ?! Нам нужны реальные данные!

– Я же не учёный... Наши аналитики отразили свои соображения в отчёте, – вытянувшись и замерев на стуле словно по стойке смирно, сухо ответил полковник.

– Соображения, мать твою... Если мы будем так долго соображать, то скоро обосрёмся, полковник! И в лучшем

случае останемся без вот этих вот звёздочек... А в первую очередь ты! — генерал показательно потыкал пальцем в погон и, сделав короткую паузу, выдохнул, — найди уже нормального спеца...

— Есть один вариант... Один авторитетный эксперт. Он не был напрямую задействован в работах. Его можно будет даже отправить легально...

— Из-под земли мне его достань! Как хочешь, но донеси задачу. И потом он должен быть там... Вытянуть оттуда всё, что можно... Хоть чёрта лысого! Но потом сказать мне однозначно: да или нет.

— Так точно!

Полковник ещё сильнее вытянулся и торопливо вышел из кабинета.

* * *

Пётр Петрович Сажин неспешно прогуливался вдоль линии ровно высаженных по побережью пальм и любовался океаном, вдыхая прохладный солёный воздух. Где-то там на другом краю Атлантики в темноте надвигающейся ночи находилась его Родина, но Пётр Петрович не испытывал сейчас ностальгии. Он был рад, что на эти короткие 10 дней смог вырваться из привычного круговорота своих обычных дел и приехать на конференцию физиков-теоретиков. И вот теперь, облачённый в оранжевые шорты-багамы и цветастую гавайскую рубашку, он был здесь, попивал коктейль, смотрел на океан и получал истинное удовольствие.

До начала последнего доклада оставалось около получаса, поэтому Сажин ещё немного погулял по набережной, а потом той же самой расслабленной походкой вошёл в здание отеля и, не заходя в номер, поднялся прямым в конференц-зал.

На маленькой кафедре перед большим экраном, куда проецировались таблицы и схемы, стояла девушка, чуть прижимая тонкие руки к телу и нервно перебирая на столе перед собой листы бумаги. Казалось, она вряд ли сможет сложить пару фраз от волнения, но как только она начала свой доклад, то сразу преобразилась. В ней вдруг появилась какая-то решительность и даже твёрдость.

Её темой была теоретическая физика. Чистая фантазия, как сказали бы настоящие физики-экспериментаторы. Тахионы и тахионные поля. Таким они обычно не занимаются, но девушка была очень увлечена, полностью отдавшись своей идее, она с упоением выписывала формулы на электронной доске.

— И вот так... Избавившись от комплексного знаменателя, мы видим... что вектор дельта-T-ноль может быть повернут на угол Φ больше 90 градусов... и его составляющая по оси времени оказывается отрицательной. Процесс пошёл... в обратном направлении.

Девушка закончила и оглядела полупустой зал из-под тонких очков. Среди немногочисленных слушателей она встретила глазами с Пётром Петровичем и, увидев его одобрительный кивок, ответила смущённой улыбкой.

* * *

Олеся сидела, чуть покачиваясь, в кресле-качалке и перелистывала цветные страницы какого-то старого глянцевого журнала. Утром она не обнаружила Сажина рядом, поэтому решила отложить совместный завтрак, и дожждаться его прихода на веранде. Но время шло, а Пётр Петрович так и не появлялся. Девушка оторвала взгляд от текста и фотографий и тревожно посмотрела вдаль...

Над лесом и холмами небо было голубым и каким-то невесомым, обломанные верхушки деревьев освещали ещё теплые лучи солнца, которые с каждым днём грели всё слабее. Каким-то особенным образом Олеся чувствовала приближение холодного ветра. Откуда-то с запада напоззала подгоняемая им тяжёлая тёмная туча.

Сажин появился внезапно. Облачённый в костюм химзащиты, всем своим видом напоминающий персонажа из заезженного постапокалипсиса, он притащил поближе к дому большой, обитый металлом ящик, и начал возиться рядом, пытаясь его открыть.

Не особо скрывая радости в голосе, девушка окликнула его с веранды:

– Вы пришли! Мой добытчик... Я волновалась...

Ученый молча посмотрел на девушку через затемнённые стёкла противогаза, наконец, открыл ящик и, взяв из него несколько прямоугольных упаковок, поднялся к дому.

– Есть что-то... вкусненькое?

– Военные сухпайки, – глухо отозвался Сажин изнутри костюма, – двухнедельный запас.

– Оу... эм... – чуть расстроилась Олеся, но учёный внезапно достал из кармана и протянул ей яркий свёрток, – Шоколад?! И правда... Спасибо... Я так его люблю...

Она как-то невинно-искренне схватила плитку своими тонкими дрожащими пальцами и теперь крутила её в руках, радуясь как ребёнок.

– Нам надо зайти внутрь, если вы не желаете слегка позагорать... – мрачно заметил Сажин, снимая противогаз, – приближается грозовой фронт, и он принесёт много радиоактивной пыли.

– Да... конечно... Я помогу вам с этим... продовольствием. А потом... мы позавтракаем... Я сделаю кофе...

* * *

Пётр Петрович добавил в принесённый официантом латте ещё один кубик сахара и, аккуратно размешивая его, тихо обратился к девушке, устроившейся напротив.

– Мне очень понравился ваш доклад. Он мне показался очень интересным.

– Вы всегда приглашаете выпить по чашечке кофе и говорите так девушкам, ум и красота которых, вас впечатлили? – игриво спросила спутница Сагина.

– На самом деле... – учёный выдержал паузу, – я всегда приглашаю выпить по чашечке кофе девушек, которые делают доклады по тахионным полям.

– Я запомню это.

– И всё же... – Пётр Петрович, осторожно чуть заметным движением глаз осмотрелся по сторонам и, убедившись,

что в кафе они совершенно одни, продолжил, – вы уже пробовали проверять ваши теории практически? Ставили эксперимент?

– Вы говорите как заговорщик, – заметила девушка и тихонько улыбнулась, – мы знакомы всего полчаса, а вы уже... Сначала практически обманом вытаскиваете меня из отеля. Приводите в это кафе на набережной. А ещё вы – русский... Это заметно по вашему произношению.

– Вы тоже русская, Олеся Михайловна, – невозмутимо ответил Сажин, перейдя на родной язык, – это заметно по вашему бейджу.

Олеся неловким движением отстегнула от себя пластиковую табличку и спрятала её в сумку.

– Я давно не говорила... по-русски... – девушка медленно подбирала слова, – Но так... Мы теперь... оба... – она в шутку демонстративно перешла на шёпот, – похожи на заговорщиков. Нас могут... прослушивать?... И кто?... Ц... Р... У?... – последние буквы она буквально беззвучно проартикулировала губами для пущей важности.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся Сажин, – я уж насыпал яд в вашу чашку. На всякий случай.

Олеся расхохоталась.

– Какой вы... оригинальный... шпион, – она посмотрела прямо в глаза своему собеседнику, – И что же вы... хотите?... Завербовать меня? Или... соблазнить?

– Если Родина прикажет... – ученый сделался более серьёзным, – вы ведь родились в Канаде, учились в Массачусетсе, а сейчас работаете в Нью-Йорке. Родителей давно нет... Вас что-то или кто-то держит в этой стране?

– Я вижу, что вы хорошо осведомлены... обо мне, – нахмурилась Олеся, сразу же изменившись и в лице, и в голосе, – но тогда вы должны знать... что я правнучка офицера... И у нашей семьи... есть свои... давние счёты...

– Белая эмиграция. Понимаю... – Сажин отпил остывающий кофе из своей чашки, – но вы же не можете не знать, что эти времена давно в прошлом. Правительства меняются, а Россия остаётся Россией... Ваш прадед понял бы меня. А вы, вероятно, унаследовали от него...

– Я космополитка, – прервала его девушка.

– Тем лучше, – Пётр Петрович улыбнулся и откинулся на спинку стула, – в таком случае мы можем говорить исключительно как деловые люди.

– Это всё похоже... на какую-то... глупую шутку...

– Никаких шуток.

– Не думаю... что у нас получится... разговор.

– И всё же. Чего вы хотите? Я не уверен, что DARPA сможет предложить вам всё, что нужно.

– Вы знаете даже о предложениях DARPA?

Сажин утвердительно кивнул.

– Я исследовал вопрос, прежде чем прилететь сюда и встретиться с вами лично. Здесь это будет один из множества мелких проектов, а у нас вы можете рассчитывать на планомерную государственную поддержку, – учёный замолчал, сам на секунду сладостно представив объёмы финансирования и все возможности его освоения, – итак, я готов предложить работу и все условия для неё. Любые средства и материалы. И потенциально возможность подтвердить все свои теории.

– Ну... хорошо... А взамен? – Олеся испытующе посмотрела на Сажина.

– Готовое изделие, реализующее описанный вами принцип.

– Но ведь... Нет никакого... прототипа... Нет даже опытной установки...

– Вы его сделаете, – уверенно ответил Пётр Петрович, – а я вам помогу.

* * *

Весь следующий год для наследницы белых эмигрантов прошёл «под знаком перемен и новых открытий». По крайней мере, так сообщал гороскоп в одной из местных газет, напечатанных на дешёвой серой бумаге и периодически оставляющей на руках следы плохой полиграфической краски. Конечно, Олеся не верила в гороскопы, но это предсказание показалось ей точным и ироничным.

Она смяла бумагу и аккуратно проложила между чёрным силовым кабелем и блестящей поверхностью медной охладительной трубки.

– Помехи пропали! – послышался из соседней комнаты довольный голос Сажина.

– Запитка фонила... на холодильник, – ответила девушка, – надо переложить кабель... подальше.

Да, не так она представляла свою историческую Родину. Не было в ней того старомодного аутентичного стиля «à la russe», который Олеся с детства почерпнула из французских переводов классической русской литературы. Меха, пышные платья, шампанское, гусары, балы и кони,

запряжённые в тройки, опрометью несущиеся сквозь бескрайние белоснежные зимние просторы в бешеном ритме мазурки, растаяли как пелена детских фантазий.

Впрочем, не нашла она здесь и так пугавшего её серого оруэлловского тоталитаризма, готового разорвать и втоптать в грязь железной пятой армейского сапога все человеческие чувства и устремления. Величественные города и впечатляющие заводы, построенные благодаря нечеловеческому энтузиазму и концентрации огромных человеческих масс. Шеренги людей, ведомых жёсткой милитаристской идеологией и скованных страхом, насаждаемым карательной машиной подавления. Все эти будоражающие мрачные фантазии девушки рассыпались в прах и развеялись, как ночной кошмар, который с наступлением утра всегда становится скорее нелепым, нежели пугающим. Вместо этого она оказалась в небольшом военном городке посреди лесов и сопок, где к стареющим бетонным корпусам, взлётно-посадочной полосе и нескольким военным складам пристроился ряд современных домиков, построенных по финской технологии.

Исследовательский центр было организован в одном из старых зданий и, впрочем, выделялся из них тем, что был аккуратно выкрашен снаружи и изнутри свежей краской. Его наземные и подземные этажи наполняло оборудование западного производства. Не самое новое, но сносное. А небольшая исследовательская группа, руководимая Пётром Петровичем Сажиним, состояла из в общем-то хороших и милых людей.

Довольно быстро глаза Олеси привыкли к видам местной природы, сумраку, длившемуся почти полгода, из которого и складывались тягучие рабочие будни.

То, чего все добивались, случилось в четверг. В 14 часов 08 минут. Девушка как обычно включила записывающую аппаратуру и перевела установку в режим приёма, но вместо привычных шумов и тресков почему-то услышала в тишине едва заметное равномерное жужжание. Она ещё раз проверила соединения, но никакой ошибки не было. На оборудование передавался какой-то сигнал. Её коллеги в напряжении прильнули к приборам.

Внезапно в тишину ворвалась последовательность импульсов, изображающая ряд чисел... 1.. 6..1.. 8..0.. 3.. 3..

– Золотое сечение, – выпалила Олеся и обернулась на Сажина, стоявшего с каменным лицом.

– Я слышу, – сдавленно произнёс он. Каждое утро в рамках цикла экспериментов, он открывал справочник, выбирал случайную константу, и посылал последовательность чисел в виде лазерного пучка сквозь генератор тахионного поля, а после всё пытались проделать в обратную сторону.

Каждый день число было другим... Газовая постоянная, число Авогадро, Пи, постоянная Планка... И каждый раз они выписывали их на доске в конце дня. Но Фи, так называемого «золотого сечения», там не было, потому что его ещё не пытались передавать. Сомнений не оставалось. Они передадут его... Завтра. В пятницу в 9:04. Сигнал попадёт в тахионное поле и, отскочив назад во времени, будет принят сегодня, в четверг в 14.08.

* * *

– Честно говоря, я не верил, что вы с вашей американской протее добьётесь успеха, – весело проговорил полковник, быстро шагая по коридору.

– Я рад, что мы не оправдали ваших ожиданий, – так же весело ответил Сажин, и оба рассмеялись.

– Конечно, потребуются ещё испытания. Нам нужно быть уверенными в достоверности... Но и так ясно, что ваше открытие будет использоваться в разведке. Получать данные из будущего – это бесценно. В генштабе даже есть мысли... осторожные мысли, чтобы использовать ваш прибор, как часть системы «Периметр», в качестве элемента для сверханного обнаружения угрозы ядерного нападения. Вот наши геополитические партнёры задёрнутся у себя за океаном!

– Прекрасно, но, к сожалению, это совершенно пустая трата времени, – заметил Пётр Петрович.

– Что вы имеете в виду?! – полковник замер как вкопанный и остановился учёного, удержав его за рукав, – объясните!

– Неужели вы думаете, – усмехнулся учёный, – что американцам потребуется много времени, чтобы повторить прибор? Если мы остановимся на текущем этапе, это просто запустит очередной виток гонки вооружений, но ничего не изменит.

– Что вы предлагаете? Конкретно.

– Создать принципиально новое оружие. Увеличить мощность прибора. Смонтировать его на головном обтекателе перед боеголовкой. Мы не будем отправлять в

прошлое сигнал о ракетном нападении, полковник. Мы отправим в прошлое саму ракету. Её нельзя будет обнаружить и перехватить. Она достигнет цели раньше, чем будет запущена! На час, на день, может даже на месяц раньше...

Полковник напряжённо смотрел на Сажина, ловил каждое его слово и лихорадочно соображал, безумец перед ним или гений.

— Хорошо, — наконец ответил он, — мы подумаем над вашим предложением.

Он оставил учёного стоять в коридоре, а сам торопливо удалился. Уже в самом конце он оглянулся на Пётра Петровича и рассеянно повторил, — обязательно подумаем... А вы работайте. Работайте...

* * *

Дом, существенно расширенный и укрепленный, за последние пару лет был превращён Сажиним в настоящий бункер. Системы фильтрации воздуха и воды, герметизированные двери и окна, укрепленные стальными балками стены и потолок. Хозяева определённо готовились к возможным угрозам.

Впрочем, интерьер не был подчинён одним лишь утилитарным задачам. На самодельных полках, идущих вдоль стен, были расставлены книги, небольшие вазочки, статуэтки и тому подобные безделушки. Рядом висел «шедевр» неизвестного художника, подражание Айвазовскому, где маслом на холсте был незамысловато, но педантично изображён парусник, бороздящий просторы

океана. На полу лежал большой ковёр с длинным ворсом. Диван, пара кресел, журнальный столик и торшер с синим тканевым абажуром довершали картину провинциального благополучия.

Как и откуда Олесе удалось доставать все вещи, необходимые для создания этого уюта, она порой сама не знала. Но сейчас она сидела в кресле, поджав ноги под себя, укутавшись тёплым пледом, и задумчиво перелистывала томик Толстого.

– Питэр, – она, наконец, отвлеклась от страниц и обратилась к Пётру Петровичу, лежащему на диване с закрытыми глазами, – вы спите?

– Уже нет, – отозвался Сажин, не открывая глаз.

– Знаете... Меня всё ещё волнует... один вопрос... Почему США... решили нанести удар... первыми? Неужели они... так испугались... нашего испытания?

Пётр Петрович вдруг вспомнил этот последний день их прошлой жизни...

* * *

– Объявляется 5 минутная готовность, – произнёс полковник в микрофон. Все, кто находились в командном центре, замерли на своих местах, – данные телеметрии с Новой земли ещё не поступают?

– Пока нет, товарищ полковник! – бойко ответил лейтенант, следящий за приборами.

Полковник сквозь стекло бросил взгляд на стартовый стол, где в ожидании замерла чёрная ракета. Он ещё раз посмотрел на часы и занёс руку над кнопкой... В тишине

раздался звонок телефона спецсвязи и полковник снял трубку.

– Докладываем... цель поражена, – раздался в трубке искажённый и дребезжащий голос наблюдателя на контрольном пункте.

– Пошла телеметрия! – оживился лейтенант, – задержка 2 минуты от расчётного времени.

– Что у вас там с передачей? Автоматика даёт задержку 2 минуты! – перекрикивая треск в трубке, спросил полковник.

– Не могу знать... – ответил наблюдатель, – ракета пришла на 2 минуты позже.

Полковник озадаченно оглянулся на Сажина, который спокойно стоял, засунув руки в карманы белого халата, и слегка улыбался.

– Что это значит, Пётр Петрович?

– Всё нормально, – ответил тот, – вас отвлекли телефонным звонком.

– Чёрт... – полковник вдруг осознал произошедшее, и торопливо нажал на кнопку запуска.

Ракета дрогнула и, взвившись в небо, растворилась в синеватом свечении. Командный центр взорвался аплодисментами.

Несмотря на этот занятный и немного забавный казус, испытание было признано успешным. Военные и учёные разошлись по своим делам. Над стартовой площадкой начали сгущаться сумерки.

– Интересно, – спросил полковник у Сажина, когда они остались в командном центре вдвоём, – а что случилось бы, если бы я нажал на кнопку ещё позже?

– Не знаю, как вам объяснить, полковник, – ответил учёный, – но физика отвечает на этот вопрос так: в этой ситуации вы не могли нажать на кнопку ни на 2 минуты раньше, ни на 2 минуты позже.

Военный молча задумался. В это мгновение раздался сигнал тревоги. На терминале вереницей поползли зашифрованные сообщения. Пётр Петрович знал, что они означают. Это сработала система раннего обнаружения, тревога не учебная, ракеты потенциального противника уже запущены по заранее определённым целям. Он схватил со стола коробку портативного терминала и, не сговариваясь, вместе с полковником выбежал из командного центра. Замерев на секунду у выхода, словно лихорадочно принимая верное решение, он быстро направился к исследовательскому корпусу.

– Сажин! Куда вы? Бомбоубежище в другой стороне! – раздался сзади голос, который Пётр Петрович проигнорировал.

– Эх! – безысходно махнул рукой полковник, решив не терять время на учёного, явно подвергшегося панике, и поспешил в противоположную сторону.

У исследовательского корпуса Пётр Петрович столкнулся с группой военных и коллег, торопящихся на эвакуацию и, буквально за шкуру, вытащив Олесю из толпы, поволок её в сторону КПП.

– Куда вы? Что происходит?! – выпалила девушка уже в кабине военного УАЗика, пока Сажин дрожащими руками пытался завести автомобиль.

– Мы доигрались! Вот что происходит! – машина, наконец, подчинилась, агрессивно заревела своим мотором и рванулась с места.

Мимо в свете фар замелькали деревья. УАЗик подсакивал на колдобинах узкой лесной дороги. Наконец, Сажин выехал на более ровную грунтовку и погнал автомобиль прочь от военного городка.

– Мы убегаем? Не безопаснее было бы... остаться? – спросила Олеся.

– Нет. Наш комплекс будет одной из первичных целей, – не отвлекаясь от дороги, ответил учёный, – подлётное время основной группировки боеголовок составляет 24 минуты. За это время мы должны уехать как можно дальше от эпицентра.

– А что? Будет... Дальше...

– Если наши генералы не успеют спрятаться и погибнут, или просто обосрутся и будут бездействовать, то система «Периметр» сделает всё за них. В идеале, ракеты уже взлетели для нанесения встречно-ответного удара. С учётом последних новшеств в средствах доставки, с обеих сторон будет перехвачено минимальное количество боеголовок, а, значит, взаимное уничтожение практически неизбежно...

Сажина прервала ослепительная вспышка, ярче, чем днём, осветившая сзади не меньше половины неба и заполнившая всё пространство вокруг.

* * *

Пётр Петрович открыл глаза и внимательно посмотрел на сидящую напротив Олесю.

— Не думаю, что они испугались. Тем более, я изучил архивные записи сейсмографов и спутников.

— И что же?

— Первый взрыв произошёл на территории США. По всей видимости, это мы нанесли по ним удар.

— Не может быть... Русские генералы... не могли быть настолько... безумными...

Учёный, поднявшись, сел на диване.

— Я не имел в виду русских генералов. Я имел в виду нас с вами.

— Это... какая-то... ошибка.

— Никакой ошибки нет, — он встал с места, прошёл к дальнему углу, где стоял его письменный стол, и взял с него распечатку, — помните нашу милую игру со знаменитыми константами, когда мы ещё только разрабатывали прибор?

Олеся молча кивнула, внимательно следя за Сажиным.

— А вот, что по нашему закрытому каналу передавала в эфир та ракета, которая появилась в небе над Северной Калифорнией 3 года назад, — он отдал лист девушке.

На нём был расшифрован сигнал, содержащий ряд цифр: I.. 6..I.. 8..0.. 3.. 3..

— Я... не понимаю... — испуганно забормотала Олеся, — что это всё... значит?!

— Это подпись. Наша подпись. Или признание. Или послание самим себе.

– Но зачем?... Зачем нам делать такое?...

– Я не знаю. Возможно, мы захотели создать для себя дивный новый мир на руинах глобальной ядерной войны. А возможно, просто убить самих себя, сидящих в ночном кафе на побережье и обсуждающих тахионные поля. Это уже не имеет значения...

– Боже мой... Питэр... И вы всё это время молчали? – она тоже поднялась с места и хотела налить себе бокал вина из бутылки, стоящей в буфете, но та оказалась пуста.

– А что мне следовало делать? Может, сообщить вам, Олеся Михайловна?! Чего ради?! – моментально взвинтился Сажин, – вы ведь и так выжрали почти все запасы алкоголя, которые у нас были!

– Господи... Да как вы можете... жить... существовать... зная об этом?! – девушка раздосадовано поставила бокал на место.

– Как видите.

– Вы... чудовище... Во что вы меня... втравили?! – она заплакала, быстро скатываясь в истерику, – что вы молчите?!... Что вы смотрите сейчас на меня?!... Так... Единственное, что вы сейчас должны сделать... Это взять... и обрушить ваши чёртовы ракеты... прямо нам на голову! Будь они прокляты!... Все эти ваши... чёртовы ракеты... – она отвернулась и, опершись рукой на край буфета, стала содрогаться в беззвучных рыданиях. Пётр Петрович молча подошёл к ней и, нежно обняв за плечи, прижал к себе.

* * *

Военный вездеход, поднимая гусеницами мелкие ледяные брызги, вылез с лесной опушки на круглое заснеженное плато и покатился к его центру, где виднелась почерневшая от копоти бетонная конструкция. Когда-то здесь был такой же густой лес, о чём напоминали давно мёртвые стволы обгоревших деревьев, торчащие по всему периметру этого кратера.

Сажин остановил машину у бетонной коробки и резво выпрыгнул из кабины, сразу по колено провалившись в снег. Облачённый в кожаную лётную куртку на меху, идеально подобранную по размеру и полярные берцы, сейчас он выглядел особенно по-боевому.

— Смотрите-ка... А ведь ничего же не осталось... Вон там был наш корпус, помните? И как точно ваши друзья положили заряд, — с нескрываемым восхищением сказал он, оглядываясь по сторонам, — в самый центр. Словно белке в глаз.

— Они не мои друзья, — отозвалась Олеся, неторопливо спускаясь в снег по металлическим ступенькам, придерживаясь за поручень. На ней была жёлто-рыжая шубка под лису с широким капюшоном, который девушка предусмотрительно набросила на голову. С самого утра её сильно мутило, и она слегка пошатывалась от слабости. Пётр Петрович сочувственно посмотрел на неё:

— Вам не стоило ехать со мной.

— Я... Сама решаю... что мне... стоит делать, — без особого энтузиазма огрызнулась Олеся, — а вы принимайте своё решение сами...

– Всё уже решено, – ответил Сажин, вынимая из сумки портативный терминал, – не мной, и не вами, а историей.

– Вы понимаете... зачем вы... это делаете?

– Потому что больше никому.

– Какой же вы... страшный... лицемер... Питэр! – прищурившись и глядя прямо на Сажина, проговорила девушка, медленно и тщательно подбирая каждое слово, – ведь вы... можете сейчас ничего не делать.

– Ерунда, – сухо ответил он, отводя глаза в сторону, – всё уже случилось. Сегодня или завтра мы закончим это, уже совершенно не важно. Нужно просто снять с себя это бремя, чтобы жить дальше... Возможно, через год или месяц я поломаю ноги и замёрзну в лесу, умру от болезни или радиации... Тогда это придётся сделать вам.

– Нет! – решительно замотала головой Олеся, – я не хочу так... Давайте, сделаем это... сейчас... вместе.

Пётр Петрович молча открыл терминал и набрал коды команд. По земле пошла лёгкая дрожь. Метрах в десяти от того места, где стояли Сажин и Олеся, уплотнённый снежный наст начал ломаться и большими кусками проваливаться куда-то вниз. Через минуту ракетная шахта раскрылась, словно огромный рот какого-то подземного чудовища. Внизу включилась сирена, и заработал подъёмный механизм.

– Вы чувствуете это, Питэр?! – перекрикивая резкий звук, спросила девушка, – этот исторический... момент...

Внезапно сирена смолкла, а из люка начала подниматься вверх чёрная громадина ракеты, словно вворачивающейся в чистое небо.

– Кажется, часть вспомогательных цепей сгорела, – прокомментировал Сажин.

– Может... Ничего и не получится... – с лёгкой надеждой в голосе тихо проговорила Олеся.

– Всё получится.

Ракета вышла на стартовую позицию и замерла.

– Так... тихо... Мне немного... страшно...

– Вы же, помнится, любите ретро? Ну, так устройте музыкальный момент, чтобы отметить это прощание с прошлым.

– Прощание... с прошлым... – задумчиво повторила девушка за своим спутником и, стянув с замёрзшей руки варежку, стала тыкать непослушными пальцами в экран смартфона. Через секунду через его хриловатый динамик полились слова старой песни...

Прощай!

От всех вокзалов поезда

Уходят в дальние края

Прощай!

Мы расстаемся навсегда

Под белым небом января.

– Вам нравится?! – дрожащим голосом спросила девушка, – я сделала вам... музыкальный момент. Теперь ваша очередь... Бог войны...

Сажин молча установил таймер тахионного индуктора и занёс палец над пультом.

– Ну, сделайте уже это, наконец! – крикнула девушка, и учёный нажал на кнопку.

Из-под ракеты вырвались языки пламени, она задрожала и со всё нарастающим гулом начала медленно подниматься.

Прощай!

Среди снегов среди зимы
Никто нам лето не вернёт.

Прощай!

Вернуть назад не можем мы
В июльских звёздах небосвод.

Наконец громадина, набравшая мощность и ставшая вдруг легче пушинки, стала быстро уходить вверх. Сажин напряжённо следил за ней взглядом, ожидая, когда в головной части сработает заветное устройство, их с Олесей детище.....

Прощай!

Ничего не обещай.
И ничего не говори.
А чтоб понять мою печаль
В пустое небо посмотри.

Уже довольно высоко ракету охватило синеватое свечение. Она внезапно словно замерла на месте и стала буквально растворяться в воздухе, становясь прозрачной пока совсем не исчезла. Сейчас, если возможно применить слово «сейчас» к этому событию, она неслась над Атлантическим океаном, одновременно перемещаясь на 3 года назад.

Сажин закрыл крышку терминала и взглянул на Олеся. Она всё ещё смотрела вверх немигающими глазами, на которых выступили слёзы, а из её смартфона продолжал доноситься припев.

Ты помнишь, плыли в вышине
И вдруг погасли две звезды.
Но лишь теперь понятно мне,
Что это были я и ты.

* * *

Сажин заглушил мотор лодки, и теперь она лишь слегка двигалась по инерции, тихо покачиваясь на глади широкого, чуть вытянутого озера, раскинувшегося между холмов. Пока Пётр Петрович копался в ящике на корме, Олеся раскрыла белый зонтик от солнца и поудобнее, полулежа, устроилась на носу. Где она смогла раздобыть этот зонт, для учёного так и осталось загадкой, но, по всей видимости, ей помог врождённый аристократизм, безусловно, необходимый, чтобы в любой ситуации найти требующийся аксессуар.

Пётр Петрович, наконец, наладил снасти и с тихим плеском закинул пару удочек. Рыбы здесь должно было быть очень много, потому что иногда она буквально играла в неглубокой воде, поблёскивая на поверхности своими спинами, а на мелководье в лучах солнца сотнями шныряли мальки.

Олеся свесила свою тонкую руку в тёплую изумрудно-зелёную воду, а другую положила под голову, собираясь

немного подремать. В последнее время её живот уже сильно округлился, а тошнота наконец-то прошла. Девушка уже почти закрыла глаза, но прежде чем окончательно заснуть, она увидела, как на противоположной стороне озера на фоне деревьев скользнула и села на воду пара белых лебедей.

ПОНРАВИЛОСЬ? ПЕРЕШЛИТЕ ТОМУ, КОМУ ТОЖЕ МОЖЕТ ПОНРАВИТЬСЯ.

ЧИТАТЬ БОЛЬШЕ

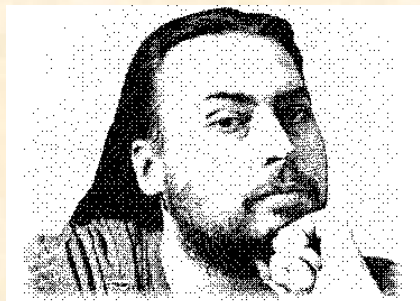

НА САЙТЕ АВТОРА

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4Dukv //

ОБ АВТОРЕ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии.

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис».

В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус» (Москва), а также веб-редактора и графического дизайнера в журнале «Дрон» (Белгород).

* * *

Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Подвиг», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Машины и механизмы», «Инвожо», «Южная звезда», «Истоки», «Крылья», «Дальний Восток», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Эмигрантская лира», «Дрон», «Сура», «Бийский вестник», «Ротонда», «Рукопись», «Белая скала», «Вещь», «Литературная Россия», «Литературный Крым», «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославль), альманахах «Под часами», «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (г. Хабаровск), «Эдита» (Германия), сборниках: «Тайны и приключения», «Наука веселья», «Мастера прозы», «Modus operandi», «Открытый космос», «Художественная верификация», «Мистический писатель», «Паттерны» (изд. «Перископ-Болга»), интернет-изданиях: «Великороссь», «Невечерний свет», «Автограф», «Пять стихий», электронном приложении «Мастерская» журнала «Семь искусств». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сохнут хипстеры» и др.

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4DUkv //